

Проекты франко-шведского альянса против Русского государства в 1572–1575 гг.

 С.М. Рябов

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

В статье исследуются несколько сюжетов, значимых для изучения политики французского королевского двора на севере Европы и анализа русско-французских контактов первой половины 1570-х гг. В первой части кратко рассматривается геополитическая обстановка, сложившаяся в Балтийском регионе после заключения русско-литовского перемирия 24 июня 1570 г. и Штеттинского мира 13 декабря 1570 г. Во второй части анализируется проект свержения шведского короля Юхана III, планировавшийся заговорщиками во главе с Шарлем де Морне при поддержке дома Валуа. Также автор исследует обстоятельства появления идеи создания франко-шведского союза, высказанной французским послом в Дании Шарлем де Данзе. Выдвигается гипотеза, что данный проект был отклонён королём Польским и великим князем Литовским Генрихом Анжуйским, не желавшим конфронтации с Русским государством. В третьей части объясняется потеря французской короной влияния в Балтийском регионе в 1574–1575 гг., связанная с бегством Генриха де Валуа из Польши летом 1574 г. и прекращением матримониальных планов относительно шведской династии Васа в феврале 1575 г. Подробно разбирается политический проект Шарля де Данзе, касавшийся превращения Ливонии в вассальное французское герцогство во главе с Франсуа Алансонским, а также дальнейшие планы дипломата по созданию унии Франции, Дании, Швеции, Ливонии и Речи Посполитой. Доказывается, что, несмотря на короткий период перемещения Русского государства в стан оппонентов Французского королевства, постепенный рост взаимовыгодных торговых связей и налаживание диалога в рамках балтийской политики предотвратили конфронтацию двух стран. Напротив, к середине 1570-х гг. сложились условия, способствовавшие поиску Россией и Францией взаимных интересов.

Ключевые слова: история XVI в.; русско-французские отношения; Иван Грозный; Карл IX Валуа; Генрих III Валуа; Юхан III Васа; Екатерина Медичи; Шарль де Данзе; Ливонская война; Балтийские войны

УДК: 94(474:47:44)"157":327

Поступила в редакцию: 25.03.2024

Принята к публикации: 12.10.2024

Вторая половина XVI в. была временем масштабных геополитических трансформаций, существенно отразившихся на дальнейшем развитии Европы. Посредством военных конфликтов страны Балтийского региона окончательно стали её неотъемлемой частью, что традиционно рассматривается в историографии в контексте борьбы за «ливонское наследство», и создали вместе со Средиземноморским миром единое пространство, пронизанное разветвлёнными сетями коммуникации. Столь значительные перемены были сопряжены с глобальным пересмотром внешнеполитических задач, стоявших перед дворами государей: опосредованными участниками северных конфликтов стали дома Габсбургов, Тюдоров и Стюартов, а династии Рюриковичей и Валуа в своих попытках стать наравне с Ягеллонами, Васа и Ольденбургами главными игроками, всё энергичнее включали Балтийский регион в пространство своих дипломатических и экономических интересов.

Цель настоящей работы состоит в исторической реконструкции проектов, направленных на заключение франко-шведского военно-политического союза в первой половине 1570-х гг. Сюжет «московитской угрозы», выступавший лейтмотивом двусторонних переговоров, показывает роль, отводившуюся Русскому государству французскими дипломатическими представителями: на ментальной карте мира¹ по сравнению с предыдущими десятилетиями оно сместилось в стан врагов *res publica christiana*², на короткое время став оппонентом для французской монархии. Явный интерес, проявленный двором Валуа к пространству севера и северо-востока Европы во время описываемого шведско-французского диалога, даёт возможность пересмотреть взгляд на Францию эпохи Ренессанса, закреплённый, в частности, в работах Ф. Броделя (Бродель 2003), как на исключительно средиземноморскую державу, а также выдвинуть и доказать гипотезу, что наравне с Московским царством в ходе череды северных конфликтов Французское королевство попыталось войти в круг государств «Балтийского мира», став новым геополитическим гегемоном в европейском пространстве.

Основу источниковой базы составляют переписка французских дипломатических представителей, а также межгосударственная корреспонденция, понимаемая как комплекс взаимных посланий монархов и лиц, наделённых внешнеполитическими полномочиями³. Важную часть проанализированной документации составляет эпистолярный французского резидента в Копенгагене Шарля Киссарма, сеньора де Данзе, выполнявшего функции представителя дома

¹ Воображаемое представление человека об окружающем его пространстве, при котором географические и политические субъекты располагаются не в соответствии с их реальной ролью, а в зависимости от их исторической и политической роли в сознании создателя ментальной карты (Филишкин 2013: 296).

² Общность, осознаваемая жителями европейских стран, основанная, прежде всего, на объединяющей роли религии.

³ Все приводимые в работе переводы документов выполнены автором статьи.

Валуа на севере и северо-востоке Европы в 1548–1589 гг. Частично его переписка была издана шведскими и датскими архивистами, опубликовавшими копии писем, составленных дипломатом в 1567–1586 гг.⁴ Несколько депеш были напечатаны Л. Парисом, Г.В. Форстеном и Б. Виане (Виане 2017: 325–413)⁵. В ходе исследования ряд посольских отчетов Данзе удалось обнаружить во французских архивных собраниях. Основными адресатами писем выступают король Карл IX Валуа (1560–1574), его брат Генрих Анжуйский, впоследствии Генрих III Валуа (1574–1589), и королева-мать Екатерина Медичи. Ответные послания французских монарших особ представлены в работе в виде опубликованных, изданных главным образом в многотомных собраниях переписки Генриха III⁶ и Екатерины Медичи⁷, и неопубликованных источников, хранящихся по большей части в Национальной библиотеке Франции и Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Стоит отметить, что хотя корреспонденция Данзе ранее привлекалась исследователями, она не была представлена комплексно: учёные зачастую затрагивали наиболее примечательные сюжеты или же привлекали ограниченное число донесений дипломата для реконструкции его биографии. Важность изучения посольских отчетов представителя династии Валуа в Копенгагене для анализа политики французского королевского двора на севере и северо-востоке Европы и её влияния на построение русско-французских контактов была установлена лишь Г. Жордания (Жордания 1959: 3), а затем, спустя более чем полвека, И. Шварц и В.В. Шишкиным (Шишкин, Шварц 2021: 130), в исследованиях которых проекты, направленные на заключение франко-шведского военно-политического альянса, не получили должного внимания и не были помещены в контекст Балтийских войн.

Методология, используемая в настоящей работе, представляет собой комплекс наработок, присущих направлениям «глобальной истории» (Конрад 2018) и «новой дипломатической истории» (Мазарчук 2021: 283–292), а также историческим подходам теории международных отношений (Spruyt 1994; Rosenberg 1994; Тешке 2011). Объект анализа выводится за пределы рассмотрения исключительно межгосударственных связей и помещается в рамки масштабной сети коммуникаций, выстраивавшейся между различными акторами в границах одного региона, являвшегося пространством «великого моря», функционировавшего не как «изолированный резервуар», а, скорее, как место построения контактов и взаимодействий поверх политических и культурных границ (Конрад

⁴ *Handlingar rörande Skandinaviens Historia*. 1824. Vol. XI. Stockholm: Elmén et Granberg. 370 s.; *Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske hof om forholdene i Norden 1567–1573*. 1901. Kjøbenhavn: I kommission hos C.A. Reitzel. 239 s.

⁵ Paris L. 1834. *La chronique de Nestor, traduite en français, accompagnée de notes et d'un recueil de pièces inédites touchant les anciennes relations de la Russie avec la France*. T. I. Paris: Heidehoff et campé. P. 330–396; Форстен Г.В. 1889. *Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях*. Вып. 1. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова. С. 118–123.

⁶ *Lettres de Henri III, roi de France*. 1959–2012. T. I–VII. Paris.

⁷ *Lettres de Catherine de Médicis*. 1880–1943. 11 vol. Paris: Imprimerie Nationale.

2018: 155). Анализ геополитических проектов французской короны на фоне балтийской истории, таким образом, позволяет показать, что изучение международных контактов эпохи позднего Ренессанса невозможно без учёта вовлечённости европейских монарших дворов, их агентов и представителей в многочисленные сложные связи.

Дипломатические проекты, предполагавшие наращивание территориальной экспансии и воцарение монаршей династии на иноземных престолах, объясняются посредством концепции «геополитического накопления», в рамках которой ресурсы и материальные силы, идеологические конструкты и матримонимальная династийная политика рассматриваются как механизмы, способствовавшие успешной реализации глобальных внешнеполитических задач (Тешке 2011: 154). Международные отношения второй половины XVI в., во многом развивавшиеся в форме трайбализации (Bély 2007: 10), объясняются посредством динамического анализа конкуренции государств и династий за территории и получение контроля над торговыми путями.

Значимость исследования определяется преодолением изоляционизма национальных историографий и рассмотрением значительных геополитических изменений, происходивших во второй половине XVI в. в границах «Балтийского мира», на примере изучения внешнеполитических проектов французского королевского двора на севере и северо-востоке Европы, которые представлены в настоящей работе в рамках геополитических стратегий дома Валуа. Попытка рассмотреть эти стратегии в контексте международных отношений в данном ключе связана с переносом внимания от государствоцентричной исследовательской модели к актороцентричной, и предполагает выдвижение на первый план анализа связей между монархами, придворными, дипломатами и negociантами, позволяя рассмотреть множество уровней коммуникации, а понятие «внешняя политика» использовать для обозначения «множества политических, дипломатических и военных контактов между отдельными властными центрами» (Politics and Diplomacy in Early Modern Italy... 2000: 9), главными из которых являлись монаршие дворы, образывавшие посредством династических связей «сообщество государей» (Nevejan 2015: 13–14).

Балтийский регион после Штеттинского мира и русско-литовского перемирия 1570 г.

Политические события, произошедшие в конце 1560-х – начале 1570-х гг., привели к существенным изменениям международной обстановки на севере и северо-востоке Европы, оказав влияние на дальнейший ход Балтийских войн.

К июню 1570 г. Ивану IV Васильевичу (1533–1584) удалось добиться перемирия с Сигизмундом II Августом (1548–1572), по условиям которого польско-литовская сторона фактически признала русские завоевания в Ливонии и захват московским воинством Полоцка (Филиушкин 2014b: 282; Янушкевич 2013:

124–128). Данное соглашение укрепило позиции царя на международной арене и позволило сосредоточиться на реализации проекта Ливонского королевства во главе с герцогом Магнусом Голштинским (Форстен 1893: 532–540; Селарт 2013: 180–197; Филюшкин 2014а: 103–105), сопротивлении польско-шведской блокаде «нарвского плавания» при помощи каперов Карстена Роде, Клауса Тоде и Ганса Дитмерскена, нанятых в Дании (Филюшкин 2013: 617), переговорах со Швецией (Ödberg 1897; Демкова 1996: 488–500; Коваленко 2015: 32–35), а в дальнейшем – на планах получения польско-литовского венца после смерти Сигизмунда II⁸ в ходе первого бескоролья 1572–1573 гг. (Флоря 1992: 173–182).

В июле 1569 г. между Польским королевством и Великим княжеством Литовским была заключена Люблинская уния, один из основных принципов которой заключался в том, что новая держава, Речь Посполитая, должна была отныне проводить единую внешнюю политику: отдельным частям государства с этого момента запрещалось вести собственные войны. Такой союз, несмотря на противоречия между польской и литовской шляхтой, несомненно, усилил военный потенциал главного соперника Московского царства в балтийском противостоянии (Филюшкин 2014b: 275–281; Янушкевич 2013: 124). К концу 1560-х гг. новообразованное государство, завершив войну со Шведским королевством и начав сближение с ним, сумело усилить блокаду русской Нарвы, а его правитель Сигизмунд II написал несколько воззваний к европейским монархам, призвав немедленно разорвать торговые контакты с царским двором и прекратить поставку контрабандных вооружения и боеприпасов (Форстен 1893: 542–543; Bodniak 1946: 81–82). Было очевидно, что Краков и Вильно, несмотря на тяжёлые условия перемирия с Иваном IV, не собирались ставить точку в балтийском конфликте. Отчасти это отразилось в требованиях, выдвинутых панамии-радой и коронными сенаторами в 1572–1573 гг., во время первого бескоролья и избрания на польско-литовский престол французского принца Генриха де Валуа: новый монарх Речи Посполитой обязался, среди прочего, обеспечить безопасность государственных границ, одержать победу в грядущей войне с Русским государством, а также подготовить за счёт французской казны четыре тысячи наёмников для ведения боевых действий в Ливонии (Филюшкин 2018: 184–189).

Значительные перемены в конце 1560-х – начале 1570-х гг. произошли также в Шведском королевстве. В 1568 г. Юхан Финляндский и Карл Сёдерманландский свергли Эрика XIV (1560–1568). Новому шведскому королю Юхану III (1568–1592) было необходимо стабилизировать внешнеполитическое положение королевства, увязшего в Северной семилетней войне (1563–1570), чтобы сосредоточиться на решении внутренних проблем, порождённых детронизацией брата (в первую очередь связанных с неприятием частью дворянства и купечества совершённого переворота), решить проблему международной изоляции

⁸ Сигизмунд II скончался 7 июля 1572 г.

(внешняя политика Эрика XIV привела к противоборству между Швецией и датско-польско-любекской коалицией на стороне которой, не вмешиваясь в войну, выступала Священная Римская империя), а также легитимизировать своё воцарение в глазах европейских монархов⁹. Положение Юхана III осложнялось резким ухудшением отношений с Русским государством: почти достигнутое союзное соглашение между Иваном IV и Эриком XIV было расторгнуто новым шведским королём, взявшим курс на сближение со своим шурином – Сигизмундом II (Рябов 2023: 904–905)¹⁰.

В то же время в Балтийском регионе наблюдался рост влияния французской короны, которая сумела упрочить свои позиции на севере и северо-востоке Европы во время Штеттинского конгресса 1570 г., завершившего Северную семилетнюю войну. Заметную роль в подписании соглашения всеми сторонами конфликта сыграл Шарль де Данзе, прикладывавший в течение Первой Северной войны¹¹ значительные усилия для её окончания (Шишкин, Шварц 2021: 133–134; Рябов 2022: 164–181). Результатом его многолетней миссии стало знакомство со многими влиятельными политическими деятелями в Дании, Швеции, Любеке и Польше: дипломату удалось обзавестись дружбой с Фредериком II (1559–1588) и его канцлером Нильсом Каасом, французскими дворянами-протестантами на шведской службе Шарлем де Морне и Понсом д'Эскоперье, сеньором де Ла Гарди (более известным в историографии как Понтус Делагарди), Кристофом Тоде, бургомистром Любека в 1560–1566 г. и посланником этого города-коммуны во время переговоров в Штеттине, подканцлером коронным Францишек Красинским и герцогом Альбрехтом Гогенцоллерном, связь с которым он поддерживал через своего секретаря Антуана Майе (*Von Königsberg an die Loire...* 1993; Pelus-Karlan 2013: 39–49), организовавшего в начале 1560-х гг. прусско-французскую компанию по торговле поташом (Richard 1910: 47–73).

Деятельное участие Данзе в длительном переговорном процессе, его включённость в различные проблемы внешней и внутренней политики государств Балтийского региона с одновременным налаживанием неформальных связей позволили французской короне рассчитывать на сохранение своего влияния и реализацию ряда масштабных геополитических проектов на севере и северо-востоке Европы в первой половине 1570-х гг.

⁹ Целенаправленное создание в европейском нарративе негативного образа Эрика XIV можно проследить с конца 1560-х гг. Пожалуй, наиболее ярким и популярным произведением, в котором свергнутому шведскому монарху приписывались тиранические черты, была «Правдивая история печальных приключений финского принца Яна и польской принцессы Катарины» польского историка Марцина Кромера, написанная в 1569–1570 гг. и изданная дважды – в 1571 и 1572 гг. В ней старший сын Густава I (1523–1560) сравнивался с вавилонским царём Навуходоносором II, изображавшимся в библейской традиции как притеснитель праведных иудеев, страдавший психическим заболеванием, и Кристианом II Датским, устроившим в 1520 г. «Стокгольмскую кровавую баню» в ходе шведской военной кампании (Kąkolewski 2007: 306–314).

¹⁰ Ухудшение отношений между Москвой и Стокгольмом ярко отразилось, в частности, в переписке между Иваном IV и Юханом III, в которой царь демонстративно прибегнул к дипломатическому статусному унижению адресата (Моисеев, Ерусалимский 2017: 126–128).

¹¹ Альтернативное название Северной семилетней войны.

Проект воцарения французского принца на шведском престоле

Стремительный рост авторитета французской короны на севере и северо-востоке Европы, предшествовавший событиям Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 г., приковал внимание к династии Валуа нескольких влиятельных политических групп, искавших избавления от внутренних и международных проблем своих государств путём приглашения на трон иностранного принца. Если сюжет о польских планах, связанных с предложением Генриху де Валуа занять краковский трон, рассматривался исследователями (Serwański 1974: 251–266; Dubas-Urwanowicz 1992: 87–92; Kociszewska 2011: 561–575; Debbagi-Baranova 2012: 337–398; Lapointe 2017: 221–233), то проект занятия Франсуа Алансонским шведского престола до сих пор не привлёк должного внимания историков.

Известно, что заговор, предполагавший свержение Юхана III с последующим воцарением представителя династии Валуа, возник летом 1572 г. в среде французских дворян-кальвинистов, находившихся на шведской службе и приближённых ко двору в годы правления Эрика XIV. Главным инициатором смещения с трона династии Васа выступил Шарль де Морне, сеньор де Варенн, занимавший в годы правления предыдущего монарха должность камергера и выполнявший ряд дипломатических поручений во Франции, Англии, Шотландии и Дании. Командуя королевской армией в годы Северной семилетней войны, Морне в результате поражения, нанесённого его войскам в Вестра-Гёталанде в 1566 г., попал в плен к Фредерику II. Будучи заключённым в зelandском Калуннборге, Морне, пользуясь благосклонностью датского монарха, сблизился с Шарлем де Данзе, сыгравшим в дальнейшем одну из главных ролей в заговоре против Юхана III в 1572–1573 гг. (Odelberg 1952: 21–31). Пространственные письма-доклады этого французского дипломата выступают главным источником, благодаря которому можно проследить зарождение и эволюцию планов заговорщиков.

В письме королю от 31 августа 1572 г. Данзе писал, что в Данию к нему приехали два знатных шведских дворянина, рассказавших о тяжёлом положении их страны. Особо они выделили плохое управление государством Юханом III, нараставший конфликт с русским царём, постоянный рост налогов, а также высказали опасение по поводу грядущего гражданского противостояния между новым королём и его младшим братом Карлом Сёдерманландским. По их мнению, эти проблемы были бы устранены отрешением династии Васа от шведского престола с дальнейшей передачей власти Риксроду с правом выбора нового

монарха¹². Таким новым государем, согласно высказанной шведскими дворянами мысли, должен был стать один из принцев Валуа, которого французский король Карл IX решил бы отправить в Швецию¹³.

В ответ Данзе возразил, что шведские сословия самостоятельно и без какого-либо давления признали Юхана III своим королём, заявив, что французский монарх не сможет одобрить мятежные действия против своего «брата и кузена». Выслушав мнение посла, оба шведских дворянина попытались уверить дипломата в благости своих намерений, сказав, что никто из рода Васа не будет заключён под стражу или убит: все его члены получают от Риксрода земельные владения, где будут жить «в безопасности и спокойствии». Затем они пригрозили Данзе, что в случае отказа французской стороны, они будут вынуждены искать поддержку своим планам «в другом месте», очевидно, имея в виду дворы Габсбургов, Тюдоров и Рюриковичей. Известно, что интересы как императорской, так и английской корон на севере Европы и Балтийском море выходили далеко за пределы коммерческих связей, представляя собой сложную дипломатическую игру (Kirchner 1945: 1–15; Lavery 2002: 1–18; Karlsson 2009: 81–101). Московский государь, в свою очередь, уже пытался поучаствовать во внутриполитических событиях в Шведском королевстве, предприняв попытку освободить из заключения Эрика XIV и вновь посадить его на трон с помощью русских войск¹⁴. Оценив опасность подобного исхода, посол обещал передать слова шведов Карлу IX, особо отметив, что в случае своего согласия французский монарх сумеет спасти Шведское королевство от «московитской агрессии», добавив, что завоевание этой страны царём стало бы «невосполнимой потерей для всего христианства»¹⁵.

Надо полагать, планы шведских заговорщиков были благосклонно восприняты при дворе Валуа: ранней зимой 1573 г. Данзе удалось наладить связь с Шарлем де Морне и встретиться с ним на датско-шведской границе. В послании от 27 февраля 1573 г. дипломат просил Карла IX написать сеньору де Варенну, чтобы «известить его о своей доброй воле». Это, по мнению посла, позволило бы Морне «проявить настойчивость» и «приложить все усилия, дабы

¹² Надо полагать, планы заговорщиков-реформатов основывались, помимо прочего, на религиозно-политическом учении Жана Кальвина, в котором подчёркивалась особая роль христианского правителя, главным качеством которого являлось милосердие, в деле защиты страны от агрессора, а народа – от ограбления (Ревуненкова 2012: 182–183). Юхан III, заточивший брата в темницу, повысивший налоги и вступивший в конфронтацию с царём, по мнению мятежников, очевидно, не отвечал образу идеального государя.

¹³ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* 1901. S. 160–166.

¹⁴ Весной 1571 г. в Москву с тайным посланием от заключённого в Абоском замке Эрика XIV прибыл толмач Йонс Ульссон. Свергнутый монарх просил Ивана IV послать войска для его освобождения. Царь в ответном послании от апреля 1571 г. сообщал, что готов «на всю Свѣскую землю меч свой послати», а самого Эрика XIV «жаловати как будет по-пригожу». Царская грамота была передана с тем же Ульссоном, который был схвачен стражниками. Вскоре Эрика XIV перевели из Абоского замка в Кастельхольм на Аландских островах, а пойманного толмача предали суду за измену (Ödberg 1897: 7–8; Демкова 1996: 495–496).

¹⁵ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* 1901. S. 145–146.

продемонстрировать свою покорнейшую службу [французскому королю] каким-нибудь добрым делом, когда возникнет такая возможность»¹⁶. До согласования всех планов с Карлом IX Данзе просил Морне не предпринимать никаких действий. Письмо монарху дипломат закончил следующими словами: «Если бы Вы сегодня привели к преданности Шведское королевство, то стали бы владыкой большей части Севера меньше, чем через год»¹⁷.

Весной 1573 г. французский король и королева-мать Екатерина Медичи одобрили планы заговорщиков и Данзе, дав поручение своему послу отправиться в Швецию для проведения тайных переговоров. В ответном письме своему резиденту в Копенгагене от 15 апреля 1573 г. Карл IX писал: «<...> Прошу Вас позаботиться о том, чтобы это путешествие не было напрасным, но стало возможностью выяснить и разузнать, насколько это возможно, о том деле, которое касается моего брата герцога Алансонского¹⁸, и о котором говорилось в Ваших последних депешах, а также в Ваших последних письмах, написанных шифром. Заверьте, насколько сможете, двух шведов, которые говорили с Вами об этом [деле], в их добром расположении относительно него. Следуя Вашему совету, я повелел дать им в подарок тысячу экю, то есть по двести пятьдесят экю каждому <...>¹⁹. Вы также должны в меру своих сил укрепить сеньора де Варенна в его доброй воле, направленной к моему благу, и убедить его в том, чтобы он никогда не направлял своих усилий на благо другого государя, ибо никто не благодарен ему более, чем я, о чем я написал ему в письме, которое посылаю Вам и в котором Вы найдете указания [для сеньора де Варенна]: когда и где он должен будет сделать всё возможное для успеха дела. Тем не менее во всём старайтесь вести себя в этом деле так ловко, чтобы ничего не открылось, а также не торопите события. Постарайтесь щадить сердца шведов, насколько можете, объявив им, что я желаю сохранения и процветания моих собственных подданных не меньше, чем их, и что если в моём королевстве есть что-то, что принадлежит мне, я с радостью уступлю это им и всегда буду угождать им самыми дружескими словами из тех, которые Вы можете придумать, чтобы сказать им о своей доброй воле в этом деле, о переговорах вокруг которого, как Вы мне обещаете в своих письмах,

---

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. S. 179.

¹⁸ Приводимое письмо Карла IX показывает, что на шведский престол в случае успеха предприятия заговорщиков планировался младший сын Екатерины Медичи Франсуа де Валуа, что опровергает предположения, выдвинутые Ф. Эдбергом и А. Ришаром, вкратце упоминавшими о проекте Морне и Данзе, что трон должен был занять Генрих Анжуйский (Ödberg 1897: 42; Richard 1910: 98–103). Более того, данный проект, выдвинутый дворянами-кальвинистами и обретавший черты летом-осенью 1572 г., надо полагать, заведомо не предполагал контактов с Генрихом де Валуа, одним из участников Варфоломеевской ночи. Франсуа Алансонский, выступавший с позиций веротерпимости, осудивший парижскую резню и последовавшие убийства гугенотов, напротив, мог рассматриваться как идеальная кандидатура, способная к тому же повернуть вспять прокатолическую политику Юхана III и заключить союз с Елизаветой I Английской, создав альянс протестантских держав.

¹⁹ Очевидно, оставшиеся пятьсот экю должны были быть переданы Морне.

не должен узнать никто»²⁰. Отправляя заговорщикам столь внушительную сумму денег в виде поощрительного аванса, а также подробные инструкции, монарх, надо полагать, рассчитывал на продолжение мятежных действий, желая их успешного завершения.

Екатерина Медичи, написавшая письмо тогда же, 15 апреля 1573 г., связала воедино два проекта французской дипломатии – шведский и польский, отметив следующее: «Относительно дела, касающегося моего сына герцога Алансонского, я прошу Вас в ходе своей поездки в Швецию, которую мы находим очень своевременной, продолжить сотрудничество с сеньором де Варенном и двумя другими дворянами, которые сделали Вам предложение, таким образом, чтобы со временем, и не обижая никого, оно могло увенчаться успехом, как мы надеемся, направляемое Вашими обычными благоразумием и ловкостью. Также посмотрите, не можете ли вы, находясь в Швеции и Дании, помочь и содействовать переговорам, которые мы ведём в Польше, чтобы мой сын герцог Анжуйский был избран королём, в соответствии с возлагаемыми на то нашими надеждами»²¹.

Дальнейшее развитие событий описано Данзе в его отчёте королю от 2 июня 1573 г. Французский дипломат согласовал с Морне как главой заговора план свержения Юхана III. Следуя ему, Варенн должен был убедить шведского монарха в необходимости взять на службу две или три тысячи французских наёмников для укрепления боевых позиций в Ливонии. После одобрения найма Юханом III, Морне с позволения Карла IX, но без его официального разрешения, должен был привезти французских солдат и расположить их вблизи монарших резиденций. В заранее оговорённый час по приказу заговорщиков наёмники обязались приступить к аресту шведского короля. Затем, после захвата власти восставшими, планировалось направить гонца ко двору Валуа с посланием, в котором должна была содержаться просьба прислать в Швецию нового правителя²².

Однако избрание Генриха Анжуйского королём Польши и великим князем Литовским в мае 1573 г. заставило Карла IX и Екатерину Медичи отказаться от данного предприятия. Помимо того, что провал проекта мог свергнуть

²⁰ *BnF. Ms. Français 3324. Fol. 60–60r.*

²¹ *BnF. Ms. Français 3324. Fol. 60r–61; Lettres de Catherine de Médicis. 1909. T. X. Paris: Imprimerie Nationale. P. 313.* Стоит отметить, что успех мятежных действий мог оказать серьёзное влияние на ход выборов в Речи Посполитой. Известно, что во время первого бескоролья Юхан III выступал в качестве одного из кандидатов на польско-литовский престол, имея сторонников среди прусских сенаторов и части протестантской шляхты. До зимы-весны 1573 г. идея избрания шведского короля рассматривалась ими как возможность объединения сил для нанесения удара по русским позициям в Ливонии. Однако царский поход, совершённый зимой 1573 г., во время которого были опустошены окрестности Пярну и Ревеля, взяты Вайсенштейн и Каркус, уничтожил создававшийся шведскими дипломатами Хогенскильдом Биельке и Густавом Банером образ Юхана III как успешного борца с «московитской агрессией». Одновременное выступление Яна Ходкевича перед шляхтой с критикой в адрес монарха окончательно разрушило планы династии Васа воцариться в Кракове и Вильно (Флоря 1978: 84–92).

²² *Indberetninger fra Charles de Dançay... 1901. S. 182–188.*

Французское королевство, после Варфоломеевской ночи находившееся в конфликте с датской монархией (Lockhart 2004: 115–125), в войну со Швецией, неудача заговорщиков поставила бы под вопрос коронацию принца Валуа в Кракове: сословия Речи Посполитой в условиях противоборства с Русским государством явно не были заинтересованы в боевых действиях против Юхана III, женатого к тому же на Екатерине Ягеллонке, сестре умершего летом 1572 г. Сигизмунда II. К тому же французскому двору могла понадобиться помощь шведского короля, потерявшего шансы стать польско-литовским государем, в случае необходимости отправления Генриха Анжуйского в Польшу морем, минуя земли Габсбургов. В своём письме Юхану III от 16 октября 1573 г. третий сын Екатерины Медичи благодарил его за предоставления гарантий безопасного морского прохода, заверив также в искренней и крепкой дружбе²³.

В связи с резким изменением планов французской короны относительно шведского престола Шарль де Данзе оказался в явном замешательстве. В письме Екатерине Медичи от 5 июня 1573 г. посол отмечал: «Я буду тщательно вести дела в Швеции до получения дальнейших указаний от Вашего Величества, ибо я не знаю, следует ли вносить изменения в план, а также Ваших мыслей по поводу его осуществления, ведь Монсеньор²⁴ был избран королём Польши. Кроме того, Ваше Величество не может допустить, чтобы [упомянутые в предыдущих письмах] шведы пострадали за то, что хотели оказать Вам услугу»²⁵.

Тем не менее шведские заговорщики были брошены французским двором на произвол судьбы. Действуя в новых условиях, и, очевидно, после получения необходимых инструкций от короля и королевы-матери, касавшихся сохранения добрых отношений с Юханом III, Данзе в письме от 6 июля 1573 г. предложил Карлу IX проект создания наступательного и оборонительного альянса между Францией, Швецией и Речью Посполитой. Согласно мысли дипломата, такой союз позволил бы усилить противодействие «московитской угрозе», а также предостерёг бы датского монарха от «совершения опрометчивых шагов»: запрета проезда Генриха Анжуйского в Польшу через Зундский пролив и союза с русским государем²⁶.

Ответ на предложение Данзе был предоставлен французским двором осенью 1573 г. В своём послании дипломату от 16 октября Карл IX счёл нужным уведомить его, что Генрих Анжуйский отправился в Краков через земли Священной Римской империи. Благодаря этому необходимость давления на Фредерика II посредством франко-шведско-польских переговоров пропала. Король также написал о продлении перемирия между Речью Посполитой и Русским

²³ *BnF. Ms. Français 5145. Fol. 213; Lettres de Henri III, roi de France. 1959 T. I. Paris: C. Klincksieck. P. 311.*

²⁴ Генрих Анжуйский.

²⁵ *Indberetninger fra Charles de Dançay... 1901. S. 192–195.*

²⁶ *Ibid. S. 211–214.*

государством²⁷, в связи с чем принял решение не посылать вместе со своим братом в Польшу вооружённый отряд солдат. Тем не менее монарх просил Данзе подробнейшим образом описать план альянса Генриху де Валуа, который после своей коронации обязался обсудить вопрос о заключении союза со Шведским королевством²⁸.

Известно, что первоначально Генрих Анжуйский был готов вступить в переговоры с Юханом III по поводу заключения польско-шведского союза против Русского государства (Ödberg 1897: 52). Об этом, в частности, говорится в письме Данзе государственному секретарю Клоду Пинару от 12 апреля 1575 г. Французский посол писал: «Я хорошо помню, что Король сказал мне, находясь в то время в Польше, что он дал ясное поручение тем, кого он послал к Московиту²⁹, не продолжать перемирия с ним, пока король Швеции не будет включён в мирный договор. Его Величество знает, что произошло после этого, и запрещает мне говорить об этом»³⁰.

Надо полагать, запрет Генриха III обсуждать планировавшийся польско-шведский союз связан с тем, что незадолго до отправления посольства к русскому царю в апреле 1574 г. монарх Речи Посполитой изменил своё решение относительно альянса, взяв курс на построение мирных отношений с Русским государством (Шишкин, Шварц 2021: 132–133). Очевидно, избранный король пытался избежать втягивания Карла IX, поручившегося предоставить денежную и военную помощь польско-литовской стороне в случае её войны с Московским царством (Филюшкин 2018: 187), в противоборство на востоке Европы. Кроме того, можно предположить, что Генрих де Валуа, будучи прекрасно осведомлённым о тяжёлом положении Великого княжества Литовского по окончании последней русско-литовской войны и нестабильной ситуации в Шведском королевстве после свержения Эрика XIV и завершения Северной семилетней войны³¹, намеревался выстроить дружеские связи с царём, надеясь на поддержку русского государя в деле разрешения ливонского вопроса мирными

²⁷ Надо полагать, король имел в виду продление перемирия между Русским государством и Речью Посполитой от лета 1573 г. до лета следующего года, о котором шла речь в посланиях Ивана IV коронным сенаторам и паны-раде от 15 июля 1573 г. (Новодворский 1904: 3–21).

²⁸ *BnF. Ms. Français 3224. Fol. 69–70; Lettres de Catherine de Médicis. 1841. T. IV. Paris: Imprimerie Nationale. P. 262*

²⁹ Речь, очевидно, идёт о Бартоломее Завацком и Матвее Протасевиче, отправленных в Русское государство с тремя грамотами от Генриха де Валуа к Ивану IV: *Опись архива Посольского приказа 1626 г. 1977. Москва: Центральный архив древних актов, 1977. С. 91–92.* Показательно, что в указанном письме, в отличие от предшествующих посланий, Данзе именовал Ивана IV не «императором Московии» или «императором России», а «Московитом», очевидно, выстраивая неприятельскую политику по отношению к русскому государю.

³⁰ *Handlingar rörande Skandinaviens Historia... 1824. P. 65.* О первоначальном намерении Генриха Анжуйского заключить военный альянс со Шведским королевством и возобновить войну с Русским государством говорят также меры по усилению блокады Нарвы, предпринятые им сразу по приезде в Польшу (Флоря 1978: 92).

³¹ О событиях Балтийских войн и внутреннем положении государств севера и северо-востока Европы Генриху де Валуа было известно из депеш и отчетов Данзе, регулярно отправлявшихся принцу дипломатическим представителем с 1570 г.: *Indberetninger fra Charles de Dançay... 1901. S. 114–116, 119, 129–130, 139–140, 144–145, 147–148, 151–152, 159–160, 167–168, 171, 182, 191, 210–211, 214–217, 221–222, 227–228.*

средствами³². Неслучайно единственным правителем, которому король Польский и великий князь Литовский написал о своём бегстве из Кракова летом 1574 г., был Иван IV (Шишкин, Шварц 2021: 132–133)³³. Судя по всему, Генрих Анжуйский, зная о притязаниях Рюриковичей на литовский трон³⁴, рассчитывал, что московский государь не будет претендовать на престол Речи Посполитой в отсутствие Валуа в Кракове. Наряду с этим, новый французский монарх, очевидно, просил самодержца продлить срок перемирия до согласования новой кандидатуры на роль польско-литовского правителя, желая в дальнейшем продолжить диалог.

Как видно из последующей переписки Ивана IV, просьбы короля были услышаны при московском дворе. В послании Генриху де Валуа от 20 августа 1574 г. царь поздравил его с восшествием на польско-литовский престол, выразил сожаление о его отъезде, а также соболезнования по поводу кончины Карла IX. Гонец Фёдор Ельчанинов оставлялся в Кракове до разрешения вопроса о вакантном троне. Русский государь согласился продлить перемирие до лета 1576 г. и выразил готовность дожидаться «опасных листов» для проезда послов к королю³⁵. Показательно, что в данном послании Иван IV, по всей видимости, действительно желавший продолжения мирного диалога с польско-литовской стороной, именовал Генриха де Валуа «братом». В последующем, когда в 1575 г. на краковский трон взошёл Стефан Баторий, русский государь не признает его равным себе и назовёт незаконным правителем, который, будучи ставленником Османской империи, не наследовал престол, а был избран, притом в обход законного короля – Максимилиана II. Несомненно, французский принц был «высокороднее» трансильванского князя, однако выдвинутые царём обвинения в адрес Батория были вполне применимы к фигуре герцога Анжуйского. По-видимому, Иван IV, получивший послание от собиравшегося к отъезду Генриха де Валуа, рассчитывал на ненасильственное разрешение ливонской проблемы. Вероятно также, что к августу 1574 г. русскому государю стало известно об официальной версии событий Варфоломеевской ночи, представленной

³² Вместе с тем, Генрих Анжуйский, очевидно, рассчитывал на сохранение, а в дальнейшем – интенсификацию русско-французской торговли на Балтике.

³³ *Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г.* 1960. Москва: Издательство восточной литературы. С. 69. Показательно, что шведского короля Генрих III уведомил о смерти монаршего брата и своём восхождении на французский трон лишь после возвращения во Францию в послании от 15 октября 1574 г., отправленном из Лиона: *VnF. Ms. Français 3224. Fol. 11; Lettres de Henri III, roi de France.* 1965. Т. II. Paris: C. Klincksieck. P. 45–46.

³⁴ О кандидатуре Фёдора Иоанновича на престол Речи Посполитой Генриху Анжуйскому в письме от 23 января 1573 г. писал агент Карла IX и Екатерины Медичи в Кракове Жан де Монлюк: Форстен Г. В. 1889. *Акты и письма...* С. 153. Валуа пристально следили за мнением шляхты о русском государе: французские дипломаты, попутно создавая перед коронными сенаторами образ московского государя как лукавого захватчика и волка в овечьей шкуре, регулярно информировали двор о малейших изменениях в настроениях панов относительно царя (Флоря 1978: 88–89; Kałolewski 2007: 252–285; Ерусалимский 2021: 231).

³⁵ *Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек.* 1841. Т. I: Выписки из Ватиканского тайного архива и других римских библиотек и архивов с 1075 по 1584 год. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца. С. 253–255.

французской короной как мятеж против королевской власти (Рябов, Попович 2023: 492–514). После получения такой информации мнение царя о Генрихе Анжуйском могло резко перемениться: из союзника султана и выборного правителя он превращался в «родственную душу», вершившую праведный суд над изменниками и отступниками. Избрание французского принца, таким образом, могло мыслиться московским правителем как «оздоровление» политической системы Речи Посполитой, пошедшей по невообразимому для царя пути шляхетских вольностей и федеративности (Ерусалимский 2018: 446; Ерусалимский 2021: 205–206, 245). В тайном письме литовскому шляхтичу Яну Глебовичу от 23 августа 1574 г. Иван IV отказался прислать своих послов в польскую столицу для ведения переговоров об избрании представителя династии Рюриковичей на трон Речи Посполитой, мотивируя своё решение опасением, что дипломаты будут унижены сенаторами так же, как было поругано посольство Ивана Воронцова в Швеции в 1568 г. (Фильюшкин 2013: 730–732). Лишь через год, после окончания возможного срока возвращения Генриха де Валуа в Польшу (12 мая 1575 г.), царь приступил к обсуждению ситуации, сложившейся во время второго бескоролья, отправив послание Николаю Радзивиллу Рыжему от 21 августа 1575 г., в котором предложил свою кандидатуру на роль нового польско-литовского государя³⁶. Столь длительное ожидание Иваном IV возвращения французского короля или его представителя в Краков, очевидно, было основано на соблюдении русским государем достигнутых ранее договорённостей и желании возобновить переговоры по ливонскому вопросу.

Тем временем планы по свержению Юхана III зашли достаточно далеко, чтобы была возможность от них отказаться: это было высказано Данзе Шарлем де Морне ещё во время переговоров в начале зимы 1573 г.³⁷. Никакие увещевания французского дипломата, обращённые к главным действующим лицам затевавшегося мятежа в июле 1573 г., не возымели действия³⁸. В срочном порядке заговорщикам пришлось менять проект приглашения французского принца на проект возведения на трон Карла Сёдерманландского. Планировалось заручиться поддержкой Лотарингского дома, родственного Габсбургам и Ольденбургам, женив герцога на Доротее, дочери герцога Франсуа I Лотарингского и сестре герцога Карла III. Затем Варенн рассчитывал нанять шотландских наемников, с помощью которых во время одного из королевских застолий убить Юхана III (Ödberg 1897: 42). Однако новый заговор шведского дворянства был раскрыт. После непродолжительного судебного разбирательства 4 сентября 1574 г. Шарль де Морне был казнён отсечением головы на главной площади Стокгольма (Odelberg 1952: 30).

³⁶ *Памятники истории Восточной Европы*. 2004. Т. 7. Посольская книга по связям России с Польшей (1575–1576 гг.). Москва: Древлехранилище. С. 53–54.

³⁷ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* 1901. S. 172–179.

³⁸ *Ibid.* S. 211–214.

Изменение планов французской короны на севере Европы и Ливонский проект Шарля де Данзе

Раскрытие заговора шведских дворян и бегство Генриха Анжуйского из Речи Посполитой летом 1574 г., вкупе с международными последствиями Варфоломеевской ночи, привели к резкому падению влияния французского двора на севере и северо-востоке Европы. Многие члены Риксрода, будучи вовлечёнными в мятежные действия Морне, а также польские сенаторы и литовские паны, воспринявшие отъезд Генриха де Валуа как оскорбление, выступили против продолжения диалога с французским королём (Филюшкин 2013: 441; Шишкин, Шварц 2021: 134).

В этих условиях осенью-зимой 1574 г. при дворе Екатерины Медичи, рассчитывавшей посредством заключения франко-шведского союза оказать давление на шляхту Речи Посполитой с целью сохранения короны за её сыном, возник план женитьбы Генриха III на сестре Юхана III – принцессе Елизавете Васа (Шевалье 1997: 422). Для получения сведений как о младшей дочери Густава I, так и о родословной дома Васа, королева-мать в письме от 1 декабря 1574 г. приказала Данзе прислать ей необходимую для рассмотрения матримониальных планов информацию³⁹.

Выполняя повеление Екатерины Медичи, французский посол в Копенгагене к своей депеше, отправленной ко двору 29 января 1575 г., присовокупил «Краткое изложение того, что известно о родословной королей Швеции, которые правили в течение некоторого времени». В его рамках Данзе обратился к описанию всех членов шведской монаршей семьи, начиная с отца Густава I – Эрика Йоханссона Васа, заканчивая принцессой Елизаветой, относительно которой дипломат написал следующее: «Что касается упомянутой госпожи, то я как можно скорее наведу о ней справки, тем более что меня уверяют в её невероятной красоте. У неё замечательный ум, великолепная грация, прекрасная фигура, весьма привлекательное сложение, и я не слышал, чтобы у неё был какой-либо изъян или что-то такое, что можно было бы поставить ей в вину. Все, кто с ней встречался, Сир, хвалят её необыкновенную скромность, любят и высоко ценят её добродетели. Ей не может быть меньше двадцати лет. Она с удовольствием играет на спинете, и делает это весьма неплохо. Она также играет на лютне. Она очень добра и милостива, о чём рассказывают немецкие и датские капитаны и господа, которые были пленниками в Швеции во время последней войны и которым она оказала большую поддержку»⁴⁰.

³⁹ BnF. Ms. Français 3004. Fol. 31; *Lettres de Catherine de Médicis*. 1895. T. V. Paris: Imprimerie Nationale. P. 107.

⁴⁰ *Handlingar rörande...* 1824. P. 13–18.

В январе 1575 г. с поручением вести переговоры о бракосочетании французского короля и шведской принцессы в Стокгольм был отправлен государственный секретарь Клод Пинар в сопровождении художника Николя Белона, который должен был написать портрет Елизаветы Васа⁴¹. Пинар был снабжён монаршими инструкциями и посланием Генриха III к Юхану III от 4 декабря 1574 г.⁴².

Ход миссии государственного секретаря можно проследить по корреспонденции Данзе, который информировал французский двор о каждом этапе переговоров. Известно, что Пинар прибыл в Данию во второй половине января 1575 г. и 29 января отправился в Швецию. 9 февраля он был принят братом шведского короля герцогом Сёдерманландским в Нючёпинге, где встретился также с его сестрами: Сесилией Васа, вдовой Кристофа II, маркграфа Баден-Родемахерна (1556–1575), и Елизаветой Васа. 24 февраля Пинар в сопровождении герцога и двух принцесс отправился в Стокгольм, где был встречен Юханом III, с которым до 1 марта вёл переговоры относительно планировавшегося бракосочетания, продемонстрировав королю и Елизавете Шведской портрет Генриха III и описав его достоинства. Вскоре после этого государственный секретарь вместе с Карлом Сёдерманландским отбыл обратно в Нючёпинг, откуда 9 марта отправился в Копенгаген, где встретился с Данзе 19 марта, после чего выехал ко французскому двору⁴³.

По всей видимости, посольству Клода Пинара удалось получить предварительное согласие шведского короля на брак Генриха III и Елизаветы Васа: в корреспонденции французского посла в Дании от марта 1575 г. можно найти просьбы прислать дальнейшие инструкции для продолжения матримониальных планов⁴⁴. Однако, как известно, Генрих III принял решение разорвать готовившуюся помолвку: 15 февраля 1575 г. король, в очередной раз отказавшись от альянса со Швецией, неожиданно женился на Луизе Лотарингской (Шевалье 1997: 421–428).

Оглушительное фиаско франко-шведских переговоров по сей день вызывает множество вопросов у исследователей (Шишкин, Шварц 2021: 134). Возможно, ответ кроется в продолжении Генрихом III политики построения дружественных отношений с Русским государством: матримониальный альянс со Швецией однозначно интерпретировался бы Иваном IV как переход Франции в стан врагов Московского царства, что грозило обернуться для Валуа потерей выгодной торговли в Нарве, а также вторжением русских войск в пределы Речи

⁴¹ De Thou J.-A. 1734. *Histoire universelle*. T. 7. Londres. P. 158.

⁴² *Lettres de Henri III, roi de France*. 1965. P. 500.

⁴³ *Handlingar rörande...* P. 13–23.

⁴⁴ *Ibid.* P. 31–32.

Посполитой, корону которой Генрих III искренне надеялся сохранить, ведя переговоры с коронными сенаторами и панами-радой о передаче монаршего титула своему младшему брату – герцогу Алансонскому⁴⁵.

Новость о решении французского короля не вступать в брак с Елизаветой Васа, дошедшая до Копенгагена в начале апреля 1575 г.⁴⁶, в очередной раз поставила Данзе в трудное положение. Дипломат вынужден был незамедлительно сообщить её Юхану III, который, восприняв разрыв помолвки как крайнее оскорбление, фактически прекратил отношения с Валуа: с этого времени Юхан III хранил ледяное молчание и не реагировал на письма ни Генриха III, ни Данзе (Шишкин, Шварц 2021: 134–137).

Последней попыткой сгладить возникшие франко-шведские противоречия можно считать посвящение шведского монарха в кавалеры французского королевского рыцарского ордена святого Михаила и попытку вручения ему золотой цепи ордена. Знаки отличия, что следует из писем Генриха III Юхану III и Шарлю де Данзе от 20 мая 1574 г., должен был доставить в Стокгольм летом 1575 г. Роже де Сен-Лари де Бельгард, сеньор де Терм⁴⁷, во время его остановки в Швеции на пути в Польшу, куда маршал был отправлен с миссией согласования кандидатуры Франсуа Алансонского на роль нового польско-литовского государя⁴⁸. Однако Бельгард, находившийся в конфликтных отношениях с Екатериной Медичи, выехав из Парижа, сразу бежал в свой маркизат Салуццо в Пьемонте⁴⁹. По всей видимости, знаки отличия рыцарского ордена так и не были доставлены Юхану III: Генрих III в объяснительном письме от 13 февраля 1576 г. уведомил его о «болезни», сразившей французского посланника в дороге⁵⁰. Так и не дождавшись золотой цепи, шведский король, пережив ещё одно оскорбление от Валуа, окончательно разорвал дипломатические связи с Францией.

Наблюдая за падением авторитета французской монархии на севере и северо-востоке Европы, Данзе 12 апреля 1575 г. написал государственному секретарю Клоду Пинару «Рассуждение о датских и шведских делах», в котором представил план сохранения французского влияния в регионе⁵¹. Дипломат рекомендовал сделать новое матримониальное предложение Юхану III, заключающееся в женитьбе Франсуа де Валуа на Елизавете Васа. В качестве приданного

⁴⁵ *Lettres de Henri III, roi de France*. 1965. P. 155–156, 186–187.

⁴⁶ Paris L. 1834. *La chronique de Nestor*. . . P. 367–374.

⁴⁷ Роже де Сен-Лари де Бельгард, сеньор де Терм (ок. 1522–1579) – известный капитан и придворный. Во время осады Ла-Рошели в 1573 г. стал свитским дворянином герцога Анжуйского, которого затем сопровождал в Польшу (Давила 2023: 544).

⁴⁸ *Lettres de Henri III, roi de France*. 1965. Т. II. P. 155–156.

⁴⁹ Pinard M. 1760. *Chronologie historique-militaire*. Т. II. Paris: C. Hérisant. P. 327–328.

⁵⁰ *Lettres de Henri III, roi de France*. 1965. Т. II. P. 378.

⁵¹ Данный источник был известен исследователям, однако так и не получил должного внимания. Зачастую историки лишь упоминали о нём, иногда обращаясь к пересказу некоторых его положений (Форстен 1893: 621–626; Richard 1910: 118; Преображенский 1945: 27–29; Kirchner 1949: 170–171; Jeannin 1954: 26; Жордания 1959: 4–6; Филюшкин 2013: 441; Daussy 2015: 213; Виане 2017: 157–163; Шишкин 2020: 944).

за сестру у шведского монарха стоило запросить его часть Ливонии вместе с Ревелем, из которого впоследствии имело бы смысл сделать главный пункт торговли с Русским государством, что должно было привести к обогащению французской казны. Затем Генриху III как королю Речи Посполитой следовало выступить в роли протектора Ливонии⁵², передав польско-литовскую часть также в руки своего младшего брата, обеспечив его вместе с тем титулом великого герцога. Убедить шведского короля, польских сенаторов и литовских панов надлежало обещанием денежной и военной помощи для борьбы с Московским царством⁵³. Интересно, что Данзе с весны 1570 г. пристально следил за русским проектом создания Ливонского королевства во главе с Магнусом Голштинским⁵⁴. Черпал ли французский посол свои идеи, исходя из наблюдений за действиями московской дипломатии, остаётся неизвестным, однако проект создания вассального государства в том и другом случае имел схожую феодальную модель: планировалось собрать несколько ливонских земель вместе, объединив их под скипетром одного правителя, принесшего ленную присягу своему сюзерену (Филюшкин 2013: 169).

Обрисовав ливонскую часть проекта, Данзе в следующем фрагменте «Рассуждения» вернулся к планам получения домом Валуа шведской и польско-литовской корон. Посол предположил, что в случае укрепления позиций Франсуа де Валуа как великого герцога Ливонского его кандидатура на роль короля Речи Посполитой могла бы быть с лёгкостью принята Коронным Сенатом и Панами-радой. В то же время, если бы внутренняя нестабильность Шведского королевства обернулась свержением Юхана III, то Риксрод предпочёл бы избрать на престол мужа Елизаветы Васа, нежели любого другого иностранного принца. Датские сословия, в свою очередь, увидев объединение Швеции, Ливонии и Речи Посполитой под скипетром французского принца, также предпочли бы вступить в столь сильную унию, воспользовавшись всеми благами совместного контроля за балтийской торговлей⁵⁵. Своё «Рассуждение» Данзе завершил следующими словами: «Благодаря этому предприятию владыка Ливонии может надеяться стать в один прекрасный день королём Польши, Швеции и Дании по их доброй воле и согласию, если он покажет себя сторонником справедливости и правосудия, а также добьётся всеобщего одобрения посредством своих добродетелей, чего и следует ожидать от французского принца. Господь по Своей милости соблаговолит довести всё это к вящей славе Своей, чести Короля, пользе его подданных и успокоению всего христианства. Аминь»⁵⁶.

⁵² Польско-литовские монархи объясняли свои притязания на ливонские земли статусом протекторов (Бессуднов 2023: 7–8). Известно, что Валуа, благодаря письмам Данзе, знали об этом: *Indberetninger fra Charles de Dançay...* 1901. S. 125–129.

⁵³ *Handlingar rörande...* P. 45–85.

⁵⁴ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* 1901. S. 88–91.

⁵⁵ *Handlingar rörande...* P. 77–79.

⁵⁶ *Ibid.* P. 82–83.

Следует добавить, что посол в Копенгагене видел в реализации представленного проекта решение не только внешнеполитических проблем, но и возможность уладить противоречия внутри Французского королевства. Так, Данзе призвал прекратить гражданские распри, позволив солдатам и наёмникам отправиться в Ливонию для защиты этой земли от русской армии. Согласно мысли автора, они не преминут воспользоваться таким шансом по двум причинам. Во-первых, «нет более такого дела, где бы они могли себя проявить наилучшим образом к вящей славе всего христианства, кроме как выступление против москвитов». Во-вторых, когда солдаты завоевали бы всю Ливонию, «они были бы рады остаться здесь», узнав о плодородии этой страны и сколь быстро можно здесь обогатиться за счёт торговли местными товарами⁵⁷. Таким образом, дипломат видел в ливонском предприятии способ завершить религиозное противостояние на своей родине, переключив силы противоборствующих сторон на далёкие земли, служившие «форпостом» *res publica christiana* на северо-востоке Европы.

Наконец, план Данзе был направлен на разрешение династических проблем внутри дома Валуа. В последней части своего «Рассуждения» он описал весьма проницательный и дальновидный план, который в дальнейшем во многом воплотился, однако не на землях Ливонии, а в провинциях Нидерландов: «Говорят, что между Королём и его братом Монсеньёром⁵⁸ существует некая вражда, и те, кто её породил, усиливают её своими домыслами, как только могут. Я не сомневаюсь ни в благоразумии и милосердии Короля, ни в повиновении и преданности Монсеньёра Его Величеству. Тем не менее было бы правильно старательно избегать любых бед и несчастий, которые могут произойти. Если кто-то опасается или подозревает другого и надеется положить этому конец добрыми и честными средствами, он воспользуется ими, а не насильственными и разрушительными методами. Если этот брак⁵⁹ состоится, Вы увидите, чего можно ожидать и на что можно надеяться как в Польше, так и в других странах, даже несмотря на то, что поляки настроены против Короля. Потребуется некоторое время, чтобы устроить дела в Ливонии, но у Короля могут появиться дети, что вызовет ещё большее раздражение Монсеньёра, который с радостью воспользуется возможностью покинуть Францию»⁶⁰. Неизвестно, знал ли герцог Алансонский о проекте дипломата, но схожий сценарий в дальнейшем был применен Франсуа де Валуа в Соединённых провинциях во второй половине 1570-х – начале 1580-х гг. Младший брат короля действительно покинул Францию, чтобы стать сувереном другого государства – герцогом Брабантским, Гельдернским, Лимбургским и графом Фландрским (Duquenne 1998)⁶¹.

⁵⁷ Ibid. P. 79–81.

⁵⁸ Франсуа де Валуа.

⁵⁹ Между Франсуа де Валуа и Елизаветой Васа.

⁶⁰ *Handlingar rörande...* P. 83–85.

⁶¹ РГБ. ОР. Ф. 68. № 370.9.

По всей видимости, Генрих III проигнорировал ливонский проект Данзе. Всё ухудшавшиеся отношения со Швецией и Данией, окончательная утрата влияния в Речи Посполитой, планы женитьбы Франсуа Алансонского на Елизавете I Английской, а также новый виток гражданской войны во Франции не позволили монарху строить планы относительно инкорпорации Ливонии и её спасения от «московитской угрозы». Наоборот, французский король вновь обратился к сбору подробных сведений о международном положении Русского государства, рассчитывая сохранить с ним мирные отношения по причине важности северной торговли для казны (Шишкин, Шварц 2021: 133–142). Более того, налаживание дружеских связей с Московским царством осталось единственным шансом для французского короля сохранить влияние на северо-востоке Европы (Richard 1910: 114–118). Короткий период первой половины 1570-х гг., когда держава Ивана IV воспринималась Валуа и их дипломатическими представителями как оппонент во внешней политике, завершился зимой-весной 1575 г., когда Генрих III после своей коронации окончательно принял бразды правления в свои руки.

Заключение

Несмотря на то, что внешнеполитические действия французской короны в 1560-е гг. не представляли собой комплексной стратегии, будучи скорее чередой ситуативных реакций на стремительные изменения, ей удалось упрочить своё влияние в «Балтийском мире», во многом благодаря успешной посреднической миссии в ходе Северной семилетней войны. Значительные усилия Шарля де Данзе, приложенные для окончания этого многолетнего кровопролитного конфликта, позволили дому Валуа выстроить сеть неформальных связей со многими влиятельными политическими деятелями Дании, Швеции, Любека и Польши. С начала 1570-х гг. эта сеть была основанием нескольких геополитических проектов, устремлённых к воцарению представителей династии Валуа в странах Балтийского региона и нацеленных на возвращение Французского королевства к традиционной роли антипода габсбургской гегемонии.

Преддверием краха французского влияния на севере и северо-востоке Европы стали события Варфоломеевской ночи, известия о которых довольно быстро достигли резиденций скандинавских государей и стремительно распространились среди польской и литовской шляхты, вызвав резко негативную реакцию. Новость о кровавых расправах над гугенотами, дошедшая до царского двора, очевидно, осенью того же года, вкупе с информацией о кандидатуре Генриха Анжуйского, одного из зачинщиков парижской резни, на трон Речи Посполитой оказала отрицательное воздействие на развитие русско-французских контактов. На короткий период 1572–1574 гг. держава Ивана IV стала оппонентом политике Валуа в Балтийском регионе и начала восприниматься французскими дипломатическими представителями как главная угроза безопасности *res*

publica christiana. Именно в данный период родился и получил развитие проект создания шведско-польско-французской союзной коалиции, направленный на устранение «московитской угрозы».

Отказ Генриха де Валуа, желавшего разрешить балтийские противоречия мирными средствами, от конфронтации с Русским государством стал почвой для преодоления русско-французских разногласий и позволил продолжить взаимовыгодные контакты между двумя монархиями. Бегство французского принца из Польши, отказ от матримониальных планов по отношению к династии Васа и ухудшавшиеся отношения с датской короной привели к окончательной утрате домом Валуа завоёванных ранее позиций: французская дипломатия, несмотря на разработку амбициозного проекта по созданию Великого герцогства Ливонского, превратилась по большей части в пассивного наблюдателя, созерцавшего стремительно изменяющуюся в 1575–1581 гг. геополитическую обстановку.

Об авторе:

Сергей Михайлович Рябов – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. 620002 Екатеринбург, Мира 19.
E-mail: sergey.riabov@urfu.ru.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Уральского гуманитарного института УрФУ (программа «Мой первый грант»).

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

UDC: 94(474:47:44)"157":327

Received: March 25, 2024

Accepted: October 12, 2024

Projects of the Franco-Swedish Alliance against the Russian State in 1572–1575

 S.M. Ryabov

[DOI 10.24833/2071-8160-2024-6-99-85-111](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-6-99-85-111)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Abstract: This article explores key aspects of the French royal court's policies in Northern Europe and the dynamics of Russian-French relations during the early 1570s. The first section provides a concise overview of the geopolitical situation in the Baltic region following the Russian-Lithuanian truce on June 24, 1570, and the Treaty of Stettin on December 13, 1570. The second section focuses on the conspiracy to overthrow King John III of Sweden, orchestrated by Charles de Mornay with support from the House of Valois. The author also examines the proposal for a Franco-Swedish alliance, articulated by Charles de Danzay, the French ambassador to Denmark. It is hypothesized that this alliance plan was opposed by Henry of Anjou, King of Poland and Grand Duke of Lithuania, who sought to avoid direct conflict with the Russian state. The third section analyzes the decline of French influence in the Baltic region during 1574–1575, attributed to Henry de Valois' flight from Poland in the summer of 1574 and the cessation of matrimonial negotiations with the Swedish Vasa dynasty in February 1575. The article delves into Charles de Danzay's political project to transform Livonia into a French vassal duchy under François of Alençon, as well as his broader vision for a Franco-Danish-Swedish-Livonian-Polish-Lithuanian alliance. The analysis demonstrates that, despite the temporary alignment of the Russian state with forces opposed to the French kingdom, the gradual expansion of mutually beneficial trade relations and dialogue in the context of Baltic policies mitigated the potential for escalating confrontation. By the mid-1570s, conditions were increasingly favorable for Russia and France to pursue shared interests, highlighting the potential for cooperative engagement over outright rivalry.

Keywords: 16th-century history; Franco-Russian relations; Ivan the Terrible; Charles IX of France; Henry III of France; John III of Sweden; Catherine de' Medici; Charles de Danzay; Livonian War; Baltic Wars

About the author:

Sergey M. Ryabov – Ph.D. in History, Research assistant of the Laboratory of Primary Sources, Ural Institute of Humanities of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. 19 Mira Street, Ekaterinburg, Russia, 620002. E-mail: sergey.riabov@urfu.ru.

Acknowledgements:

The author would like to express gratitude for the research funding from the Ural Institute for the Humanities, UrFU ("My First Grant" Programme).

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Bély L. 2007. *L'art de la paix en Europe: Naissance de la diplomatie moderne XVIe–XVIIIe siècle*. Paris: Presses Universitaires de France. 745 p. DOI: 10.3917/puf.bely.2007.01. (In French)
- Bodniak S. 1946. *Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona*. Kórnik: Fundacja Zakłady Kórnickie. 246 s. (In Polish)
- Daussy H. 2015. Un diplomate huguenot au service de la couronne de France: Charles de Danzay, ambassadeur au Danemark (1548–1589). *Religion. Church. Society*. №4. P. 198–227. DOI: 10.24411/2308-0698-2015-00013. (In French)
- Debbagi-Baranova T. 2012. *À coups de libelles. Une culture politique au temps des guerres de Religion (1562–1598)*. Genève: Droz. 520 p. (In French)
- Dubas-Urwanowicz E. 1992. Henri de Valois dans l'opinion de la noblesse polonaise. *Henri III et son temps*. Sous la dir. de R. Sauzet. Paris: Vrin. P. 87–92. DOI: 10.4000/books.vrin.21279. (In French)

- Jeannin P. 1954. L'économie française au milieu du XVIe siècle et le marché russe. *Annales. Économies, sociétés, civilisations*. №1. P. 23–43. DOI: 10.3406/ahess.1954.2237. (In French)
- Kąkolewski I. 2007. *Melancholia władzy. Problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia*. Warszawa: Neriton. 481 s. (In Polish)
- Karlsson M. 2009. Three Letters of Proposal from Erik XIV of Sweden to Elizabeth I of England: Edited with Introduction. *Humanistica Lovaniensia*. Vol. 58. P. 81–101.
- Kirchner W. 1945. England and Denmark, 1558–1588. *The Journal of Modern History*. 17(1). P. 1–15. DOI: 10.1086/236870.
- Kirchner W. 1949. Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie (1550–1650). *Revue historique*. Vol. 102. P. 161–183. (In French)
- Kociszewska E. 2011. La Pologne, un don maternel de Catherine de Médicis? La cérémonie de la remise du Decretum electionis à Henri de Valois. *Le Moyen Age*. 3. P. 561–575. DOI: 10.3917/rma.173.0561. (In French)
- Lapointe M. 2017. Stratégies diplomatiques dans la correspondance du Duc d'Anjou, futur Henri III, de la fuite de Pologne au couronnement en France (1574–1575). «Des bruits courent»: *rumeurs et propagande au temps des Valois*. Paris: Hermann. P. 221–233. DOI: 10.3917/herm.vaill.2017.01. (In French)
- Lavery J. 2002. *Germany's Northern Challenge. The Holy Roman Empire and the Scandinavian Struggle for the Baltic, 1563–1576*. Boston: Brill. 184 p.
- Lockhart P.D. 2004. *Frederik II and the Protestant Cause. Denmark's Role in the Wars of Religion, 1559–1596*. Leiden; Boston: Brill. 350 p.
- Nevejans P. 2015. *Le prince et le diplomate: étude de la réception diplomatique dans l'Europe de la Renaissance*. Lyon: Université Jean Moulin Lyon III. 467 p. (In French)
- Ödberg F. 1897. *Om stämplingarna mot konung Johan III åren 1572–1575*. Stockholm: C.E. Fritze. 284 s. (In Swedish)
- Odelberg W. 1952. Charles de Mornay et la cour de Suède. *Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français*. Vol. 99. P. 21–31. (In French)
- Pelus-Kaplan M.-L. 2013. La Prusse orientale dans le commerce baltique au XVIe siècle. *Histoire, économie & société*. №2. P. 39–49. DOI: 10.3917/hes.132.0039. (In French)
- Politics and Diplomacy in Early Modern Italy: the Structure of Diplomatic Practice, 1450–1800*. 2000. Ed. by D. Frigo. Cambridge: Cambridge University Press. 262 p. DOI: 10.1017/CBO9780511523298.
- Richard A. 1910. *Un diplomate poitevin du XVIe siècle: Charles de Danzay, ambassadeur de France en Danemark*. Poitiers: Imprimerie de Blais et Roy. 246 p. (In French)
- Rosenberg J. 1994. *The Empire of Civil Society: A Critique of the Realist Theory of International Relations*. London: Verso Books. 224 p.
- Serwański M. 1974. Kandydatura francuska do tronu polskiego za panowania Zygmunta Augusta. *Kwartalnik Historyczny*. Vol. 81. S. 251–266. (In Polish)
- Spruyt H. 1994. *The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change*. Princeton: Princeton University Press. 288 p. DOI: 10.1515/9780691213057.
- Von Königsberg an die Loire. Quellen zur Handelsreise des herzoglich-preußischen Faktors Antoine Maillet nach Frankreich in den Jahren 1562 bis 1564*. 1993. Ausgew. und bearb. von D. Heckmann. Köln: Böhlau, 1993. 162 s. (In German)

Bessudnov D.A. 2023. *Protectores et conservatores: livonskaia politika Iagellonov v XVI v.* [Protectores et Conservatores: the Livonian Policy of the Jagiellons in the 16th Century]. Saint Petersburg: Evraziia. 320 p. (In Russian)

Braudel F. *Sredizemnoe more i sredizemnomorskii mir v epokhu Filipp II. Vol. 2: Kollektivnyye sud'by i universalnye sdvigi* [The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Vol 2: Collective Destinies and General Trends]. Moscow: LRC Publishing House. 808 p. (In Russian)

Chevalier P. 1997. *Genrikh III. Shekspirovskii korol'* [Henry III. Shakespeare's King]. Moscow: Terra. 848 p. (In Russian)

Conrad S. 2018. *Chto takoe global'naiia istoriia?* [What is Global History?]. Moscow: New Literary Observer. 312 p. (In Russian)

Davila E.C. *Istoriia Grazhdanskikh vojn vo Frantsii* [History of the Civil Wars in France]. Ed. by V.V. Shishkin, S.M. Ryabov, D.Iu. Kirsanov. Vol. 1. Saint Petersburg: Nauka. 567 p. (In Russian)

Demkova N.S. 1996. Gramoty Ivana Groznogo shvedskim koroliam Eriku XIV i Iogannu III (po rukopisiam Shvedskogo gosudarstvennogo arkhiva) [Letters from Ivan the Terrible to the Swedish Kings Erik XIV and John III (Based on Manuscripts of the Swedish State Archives)]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 50. P. 488–500. (In Russian)

Erusalimskii K.Iu. 2018. *Na sluzhbe korolia i Rechi Pospolitoi* [In the Service of the King and the Polish-Lithuanian Commonwealth]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia. 1012 p. (In Russian)

Erusalimskii K.Iu. 2021. Respublika bez respublikanizma: diskursy "obshchego dela" v Moskovskoi Rusi [Republic without Republicanism: Discourses of "Common Cause" in Muscovite Russia]. *Res Publica: Russkii respublikanizm ot Srednevekov'ia do kontsa XX veka*. Ed. by K.A. Solov'ev. Moscow: New Literary Observer. P. 153–265. (In Russian)

Filiushkin A. I. 2013. *Izobretaia pervuiu voynu Rossii i Evropy: Baltiiskie voiny vtoroi poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov* [Inventing Russia's and Europe's First War: The Baltic Wars of the Second Half of the 16th Century through the Eyes of Contemporaries and Descendants]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. 880 p. (In Russian)

Filiushkin A.I. 2014a. Proekt "Russkaia Livoniia" ["Russian Livonia" Project]. *Quaestio Rossica*. 2(2). P. 94–111. (In Russian)

Filiushkin A.I. 2014b. Russko-litovskaia voina 1561–1570 i datsko-shvedskaia voina 1563–1570 gg. [The Russo-Lithuanian War of 1561–1570 and the Danish-Swedish War of 1563–1570]. *Istoriia voennogo dela: issledovaniia i istochniki*. №2. P. 219–289. (In Russian)

Filiushkin A.I. 2018. *Pervoe protivostoianie Rossii i Evropy: Livonskaia voina Ivana Groznogo* [The First Confrontation between Russia and Europe: Ivan the Terrible's Livonian War]. Moscow: New Literary Observer. 320 p. (In Russian)

Floria B.N. 1978. *Rusko-pol'skie otnosheniia i politicheskoe razvitie Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine XVI – nachale XVII v.* [Russo-Polish Relations and Political Development of Eastern Europe in the Second Half of the 16th – Early 17th Century]. Moscow: Nauka. 302 p. (In Russian)

Floria B.N. 1992. Ivan Grozniy – pretendent na pol'skuiu koronu [Ivan the Terrible as a Pretender to the Polish Crown]. *Istoricheskii arkhiv*. №1. P. 173–182. (In Russian)

Forsten G.V. 1893. *Baltiiskii vopros v XVI i XVII stoletiiakh (1544–1648)* [The Baltic Question in the 16th and 17th Centuries (1544–1648)]. Saint Petersburg: Tipografiia V.S. Balasheva i Ko. 642 p. (In Russian)

Ianushkevich A.N. 2013. *Livonskaia voina. Vil'no protiv Moskvyy: 1558–1570* [Livonian War. Vilna against Moscow: 1558–1570]. Moscow: Kvadriga. 384 p. (In Russian)

Kovalenko G.M. 2015. Shvedskoe posol'stvo v Moskoviiu 1569–1572 gg. [Swedish Embassy to Muscovy 1569–1572]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. №2. P. 32–35. (In Russian)

Mazarchuk D.V. 2021. “Novaia diplomaticheskaiia istoriia”: stanovlenie, napravleniia issledovaniia i perspektivy razvitiia [New Diplomatic History: Formation, Research Directions and Perspectives]. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, Humanitarian Series*. 66(3). P. 283–292. DOI: 10.29235/2524-2369-2021-66-3-283-292. (In Russian)

Moiseev M.V., Erusalimskii K.Iu. 2017. Zhenskii golos v diplomaticheskoi perepiske Ivana Groznogo [Women's Voices in Ivan the Terrible's Diplomatic Correspondence]. *Adam & Eve. Gender History Review*. Issue 25. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. P. 120–141. (In Russian)

Novodvorskii V. 1904. *Bor'ba za Livoniu mezhdu Moskvou i Rech'iu Pospolitoi (1570–1582). Istoriko-kriticheskoe issledovanie* [The Struggle for Livonia between Moscow and the Polish-Lithuanian Commonwealth (1570–1582). Historical and Critical Study]. Saint Petersburg: Tipografiia I.N. Skorokhodova. 360 p. (In Russian)

Preobrazhenskii V.D. 1945. Franko-russkie otnosheniia v XVI–XVII vv. Ch. I. Vzaimootnosheniia Frantsii i Rossii do nachala diplomaticheskikh snoshenii mezhdu nimi i pervye russkie posol'stva vo Frantsiiu [Franco-Russian Relations in the 16–17 Centuries. Part I. Relations between France and Russia before the Beginning of Diplomatic Relations between them and the First Russian Embassies to France]. *Uchenye zapiski Iaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. №7. P. 1–61. (In Russian)

Revunenkov N.V. *Zhan Kal'vin. Teologiia i religiozno-obshchestvennaia mysl' XVI veka* [Jean Calvin. Theology and Religious and Social Thought of the 16th Century]. Saint Petersburg: Museum of the History of Religion. 264 p. (In Russian)

Ryabov S.M. 2022. “Eta torgovlya ves'ma udobna i prinosit ogromnyu pribyl' vashim poddannym i uspokoenie vashemu korolevstvu”: russko-frantsuzskaya kommertsiiya v Narve v usloviakh Baltiiskikh voim 1560-kh godov [“This Trade is very Convenient and Brings Great Profit to Your Subjects and Appeasement to Your Kingdom”: Russian-French Commerce in Narva in the Context of the Baltic Wars of the 1560s]. *Srednie veka*. 83(1). P. 164–181. DOI: 10.7868/S0131878022010093. (In Russian)

Ryabov S.M. 2023. Poslanie Iukhana III Vasa frantsuzskomu koroliu Karlu IX Valua: novyi istochnik po istorii Baltiiskikh voim [A Letter from John III of Sweden to King Charles IX of France: A New Source for the History of the Baltic Wars]. *Quaestio Rossica*. 11(3). P. 901–917. DOI: 10.15826/qr.2023.3.825. (In Russian)

Ryabov S.M., Popovich A.I. 2023. Varfolomeevskaia noch' 1572 g. glazami Ivana Groznogo: v poiskakh ideala khristianskogo pravleniia [St. Bartholomew's Day Massacre through the Eyes of Ivan the Terrible: in Search of the Ideal of Christian Authority]. *Hermeneutics of Old Russian Literature*. Issue 22. Moscow: IWL RAS Publ. P. 492–514. DOI: 10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-492-514. (In Russian)

Selart A. 2013. Ivan Groznyi, kaizer livonskii? K istorii vozniknoveniia idei o rossiiskom vassaľnom gosudarstve v Livonii [Ivan the Terrible, Kaiser of Livonia? Toward the History of the Origin of the Idea of a Russian Vassal State in Livonia]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2(14). P. 180–197. (In Russian)

Shishkin V.V. 2020. K Gospodariu nashemu pisal Frantsovskoi korol' o liubvi: Genrikh III de Valua i imperatory Moskovii [“The French King Wrote to Our Sovereign about Love”: Henry III de Valois and the Emperors of Muscovy]. *Quaestio Rossica*. 8(3). P. 939–962. DOI: 10.15826/qr.2020.3.505. (In Russian)

Shishkin V.V., Shvarts I. 2021. *Frantsuzskoe korolevstvo i Russkoe gosudarstvo v XI–XVI vekakh* [The French Kingdom and the Russian State in the 11–16 Centuries]. Saint Petersburg: Nauka. 310 p. (In Russian)

Teschke B. 2011. *Mif o 1648 gode: klass, geopolitika i sozdanie sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii* [The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations]. Moscow: HSE Publishing House. 416 p. (In Russian)

Vianey B. 2017. *Puteshestvie Zhana Sovazha v Moskoviiu v 1586 godu. Otkrytie Arktiki Frantsuzami v XVI veke* [Voyage of Jean Sauvage to Muscovy in 1586. Discovery of the Arctic by the French in the 16th Century]. Moscow: New Literary Observer. 528 p. (In Russian)

Zhordaniia G. 1959. *Ocherki iz istorii franko-russkikh otnoshenii kontsa XVI i pervoi poloviny XVII vv. Ch. I* [Essays from the History of Franco-Russian Relations in the late 16th and First Half of the 17th Centuries. Part I]. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta. 382 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Бессуднов Д.А. 2023. *Protectores et conservatores: ливонская политика Ягеллонов в XVI в.* Санкт-Петербург: Евразия. 320 с.

Бродель Ф. 2003. *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. II: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги.* Пер. с фр. М.А. Юсима. Москва: Языки славянской культуры. 808 с.

Виане Б. 2017. *Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики Французами в XVI веке.* Москва: Новое литературное обозрение. 528 с.

Давила Э.К. 2023. *История Гражданских войн во Франции. Т. I.* Пер. с ит. Р.Л. Шмакова; статья В.В. Шишкина; комм. В.В. Шишкина, С.М. Рябова, Д.Ю. Кирсанова. Санкт-Петербург: Наука. 567 с.

Демкова Н.С. 1996. Грамоты Ивана Грозного шведским королям Эрику XIV и Иоганну III (по рукописям Шведского государственного архива). *Труды Отдела древнерусской литературы.* Т. 50. С. 488–500.

Ерусалимский К.Ю. 2018. *На службе короля и Речи Посполитой.* Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История. 1012 с.

Ерусалимский К.Ю. 2021. Республика без республиканизма: дискурсы «общего дела» в Московской Руси. *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века.* Под ред. К.А. Соловьева. Москва: Новое литературное обозрение. С. 153–265.

Жордания Г. 1959. *Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Ч. I.* Тбилиси: Издательство Тбилисского университета. 382 с.

Коваленко Г.М. 2015. Шведское посольство в Московию 1569–1572 гг. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* №2. С. 32–35.

Конрад С. 2018. *Что такое глобальная история?* Пер. с англ. А. Степанова. Москва: Новое литературное обозрение. 312 с.

Мазарчук Д.В. 2021. «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития. *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук.* 66(3). С. 283–292.

Моисеев М.В., Ерусалимский К.Ю. 2017. Женские голоса в дипломатической переписке Ивана Грозного. *АдамъЕва. Альманах гендерной истории.* Вып. 25. Москва: ИВИ РАН. С. 120–141.

Новодворский В. 1904. *Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570–1582). Историко-критическое исследование.* Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова. 360 с.

Преображенский В.Д. 1945. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. I. Взаимоотношения Франции и России до начала дипломатических сношений между ними и первые русские посольства во Францию. *Учёные записки Ярославского государственного педагогического института.* Вып. VII. С. 1–61.

Ревуненкова Н.В. 2012. *Жан Кальвин. Теология и религиозно-общественная мысль XVI века.* Санкт-Петербург: Государственный музей истории религии. 264 с.

Рябов С.М. 2022. «Эта торговля весьма удобна и приносит огромную прибыль вашим подданным и успокоение вашему королевству»: русско-французская коммерция в Нарве в условиях Балтийских войн 1560-х годов. *Средние века.* 83(1). С. 164–181.

Рябов С.М. 2023. Послание Юхана III Васа французскому королю Карлу IX Валуа: новый источник по истории Балтийских войн. *Quaestio Rossica.* 11(3). С. 901–917.

Рябов С.М., Попович А.И. 2023. Варфоломеевская ночь 1572 г. глазами Ивана Грозного: в поисках идеала христианского правления. *Герменевтика древнерусской литературы.* Сб. 22. Москва: ИМЛИ РАН. С. 492–514.

Селарт А. 2013. Иван Грозный, кайзер ливонский? К истории возникновения идеи о российском вассальном государстве в Ливонии. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2(14). С. 180–197.

Тешке Б. 2011. *Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений.* Пер. с англ. Д. Кралечкина. Москва: Издательство Государственного университета «Высшая школа экономики» (ГУ ВШЭ). 416 с.

Филюшкин А.И. 2013. *Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 880 с.

Филюшкин А.И. 2014а. Проект «Русская Ливония». *Quaestio Rossica.* Т. 2. №2. С. 94–111.

Филюшкин А.И. 2014б. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 годов. *История военного дела: исследования и источники.* №2. С. 219–289.

Филюшкин А.И. 2018. *Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного.* Москва: Новое литературное обозрение. 320 с.

Флоря Б.Н. 1978. *Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в.* Москва: Наука. 302 с.

Флоря Б.Н. 1992. Иван Грозный – претендент на польскую корону. *Исторический архив.* №1. С. 173–182.

Форстен Г.В. 1893. *Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648).* Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева и Ко. 642 с.

Шевалье П. 1997. *Генрих III. Шекспировский король.* Пер. с фр. Е. Хохловой. Москва: Терра. 848 с.

Шишкин В.В. 2020. К Господарю нашему писал Францовской король о любви: Генрих III де Валуа и императоры Московии. *Quaestio Rossica.* 8(3). С. 939–962.

Шишкин В.В., Шварц И. 2021. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. Санкт-Петербург: Наука. 310 с.

Янушкевич А.Н. 2013. *Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558–1570.* Москва: Квадрига. 384 с.